

На правах рукописи

МЕРЗЛЯКОВ Александр Владимирович

ТОПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА
(герменевтический аспект)

09.00.11. – социальная философия

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ижевск, 2003

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский университет».

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор Ольга Николаевна Бушмакина

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
доцент Алексей Геннадьевич
Красильников
кандидат философских наук,
доцент Ирина Викторовна Соловей

Ведущая организация: Ижевская государственная медицинская
академия министерства здравоохранения
Российской Федерации

Защита состоится «_____» _____ 2003 г. в _____ часов
на заседании диссертационного совета К.212.275.03. в Удмуртском государ-
ственном университете по адресу: 426034, г. Ижевск, УдГУ, ул. Универси-
тетская, д.1., корпус VI, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государст-
венного университета.

Автореферат разослан «_____» _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских
наук, доцент

О.В.Санникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Настоящий этап развития социальной философии характеризуется двумя основными тенденциями. Во-первых, - одной из наиболее значимых задач современной социальной философии является задача «возвращения субъекта» в теорию. Необходимость её решения во многом продиктована кризисом объективистских подходов в общественных науках – функционализма в социологии, бихевиоризма в психологии, кейнсианства в экономике. Современные исследователи в области социальных наук все чаще признают, что редукция субъекта к функции социальной системы препятствует пониманию процессов, протекающих в современных обществах. В связи с этим возникает необходимость в пересмотре онтологических оснований социальной теории с позиций субъектно-ориентированного подхода.

Во-вторых, - в рамках социальной философии прослеживается переход от эссенциалистской парадигмы к социально-топологической и конструктивистской парадигмам. Актуальным становится развитие такого способа рассуждений, в котором социальная реальность задаётся не как совокупность социальных вещей, существующих «в себе», а как символическое, дискурсивное пространство. Особую важность этой задаче придаёт то, что реификационистские навыки мышления и соответствующие им способы рассуждения о социальных различиях имеют не только теоретические, но и политические последствия. «Научные» дискурсы, способствующие формированию теоретических оснований спонтанного, нерефлексивного восприятия социокультурных конструктов как данностей, при определенных обстоятельствах могут исполнять функцию легитимирующих нарративов по отношению к тоталитаризму, расизму и другим формам дискриминации.

Несмотря на то, что в современной социально-философской литературе указанные тенденции развиваются вне зависимости друг от друга, представляется, что они глубоко взаимосвязаны. Преодоление эссенциалистской парадигмы возможно только в том случае, если в центр социально-философской рефлексии помещается субъект, самоопределяющийся в символических конструктах социального пространства. В связи с этим актуальной задачей является исследование топологии социального субъекта – символических структур социального пространства, которыми опосредована его самоидентификация.

Степень изученности проблемы. Несмотря на то, что до настоящего момента проблема топологии социального субъекта не являлась предметом специального социально-философского анализа, можно выделить ряд блоков работ, в которых затрагиваются проблемы, представленные в данном исследовании.

Во-первых, - это философские и психоаналитические концепции субъекта. В контексте представленного исследования, особую значимость приобретают те из них, в которых субъект рассматривался сквозь призму его способности к самоидентификации. У истоков такого понимания находятся классические труды Г.В.Ф. Гегеля, Р. Декарта, И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга. Из современных авторов, активно разрабатывающих проблематику субъекта следует выделить А. Рено и А. Турена. Логика социально-философского исследования порождает необходимость анализа теорий, в которой процесс самоидентификации субъекта задается в качестве социально-опосредованного процесса: теории языковой идентификации Э. Бенвениста, теории интерпелляции Л. Альтюссера, теории субъективации М. Фуко.

Во-вторых, - это работы, в которых реализуется топологический и конструктивистский подходы к описанию социальной реальности. Теоретические и практические аспекты математической топологии рассматриваются в трудах П.С. Александрова, Н. Стирода, У. Чинна и др. Рассмотрение социальной реальности через топологические конструкты было впервые предложено К. Левином. Современная социальная топология представлена социологической школой П. Бурдьё. Помимо исследований самого П. Бурдьё, следует отметить работы Ж. Бувресса, Б. Карсенти, Р. Ленуара, Д Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампаня. Из отечественных исследований в этой области следует особо выделить публикации М. Берга, С.В. Дамберга, А. Филиппова, Н.С. Шматко, Е.Р. Ярской-Смирновой. В рамках собственно философского дискурса топологические конструкты, как правило, вводятся в аспекте рассуждений о «теле» и «телесности». Здесь следует отметить работы Ж.-Л. Нанси, М. Мерло-Понти, В.Л. Круткина, В. Подороги, А.Ш. Тхостова, М. Ямпольского. Идеи социального конструктивизма отражены в исследованиях П. Бергера, Ф. Коркюфа, Б. Латура, Т. Лукмана, В. Малахова.

Третий блок включает в себя исследования в области философии языка, семиотики и социологии, в которых исследуется социальная обусловленность дискурсивных практик. Это - работы К. Ажежа, П. Анри, Р. Барта, Ж. Гийому, Ж.-Ж. Куртина, К. Леви-Строса, К. Манхейма, М. Малкея, Д. Мальдидье, К. Нормана, Р. Робена, Ж. Отье-Ревю, П. Серию, Ф. де Соссюра, Ц. Тодорова, Н. Трубецкого, У. Эко, Р. Якобсона, Н.С. Арутюновой, М.Л. Макарова, Ю.С. Степанова и др.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является социальный субъект, понимаемый в качестве онтологической инстанции социальной реальности как целого. В качестве предмета исследования рассматриваются пространственные структуры самоидентификации социального субъекта в конструктах социального дискурса.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы - представить топологическую структуру самоидентификации социального субъекта. Для её достижения требуется решение следующих задач:

- обосновать онтологическое представление о самоидентификации субъекта в структурах социальной реальности;
- установить способ самоузнавания субъекта в социальных дискурсах;
- определить базисные принципы социально-топологического подхода к анализу социальной реальности;
- раскрыть топологические структуры социального поля как поля дискурсивных практик;
- выявить способы самопредставления структуры социального поля через «позицию» или «точку» субъекта.

Теоретико-методологической основой исследования является целостный подход, реализующийся через топологический аспект описания социальной реальности и принцип имманентности социального пространства, конкретизированный через метод субъект-объектного тождества.

Онтологический характер диссертационного исследования потребовал обращения к текстам современной герменевтики, представленной именами М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра, классическим работам Ф. Шеллинга, в которых разрабатывается целостный подход и метод субъект-объектного тождества, а также к комментирующим публикациям по проблемам хайдеггеровской фундаментальной онтологии и исследованиям, выполненным в русле герменевтической традиции (У.А. Броган, М. Вишке, Ж. Гронден, Х.Р. Зепп, О.Н. Бушмакина, И.Н. Инишев, В. Куренной, А. Черняков и др.).

Несмотря на то, что труды вышеперечисленных авторов непосредственно не связаны с проблемным полем социальной философии, они представляются принципиально важными в методологическом плане. Идея М. Хайдеггера о необходимости предварения позитивных исследований онтологическим вопросом об «основоустройстве» их предметной области во многом определила ход рассуждений в данном исследовании. Вопрос об «основоустройстве» предметной области социальной теории подразумевает необходимость понимания социальной реальности как целого, предъявляющегося в разнообразии социальных предметностей. Кроме того, онтологический анализ языка и диалогических структур, принятый в герменевтике, помог выработать представление о манифестации социального поля в дискурсе субъекта.

Задействованный в исследовании теоретический инструментарий социальной топологии предъявляется в онтологической интерпретации. Наиболее важным здесь является предложенный К. Левином и П. Бурдые способ понимания социальной реальности как пространства реляционных позиций. Такое представление социальной реальности позволяет рассматривать её не как совокупность «вещей», а как единый онтологический горизонт существования сущих социального мира. В контексте этих рассуждений привлекаются

исследования отечественного социолога Ю. Качанова, в которых отношение социального мира и сущих социального мира анализируются сквозь призму категориального аппарата П. Бурдьё и М. Хайдеггера.

Необходимость в прояснении базисных принципов социально-топологического подхода обусловила обращение к фундаментальным работам Г. Башляра и Э. Кассирера, посвященным анализу научной рациональности. В этих исследованиях была показана ограниченность позитивистского и субстанциалистского подходов к эпистемологии, важность категории «отношения» и роль топологического конструирования в современном научном мышлении.

Принцип имманентности применительно к топологии философской дискурсивности был заложен в работе Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В отечественной социальной теории имманентный подход развивается в публикациях А.Т. Бикбова и С.М. Гавриленко. Здесь принцип имманентности задаётся в оппозиции к трансцендентному подходу и определяется через отказ от поиска внешней исследовательской позиции по отношению к социальной реальности. В имманентном подходе позиция субъекта рассматривается как одна из «точек зрения», находящаяся в социальном мире и конкурирующая за способ его определения. Неустранимым принципом имманентной социологической теории оказывается рефлексия исследователем собственной социальной определённости, т.е. той перспективы, которая предпослана ему как социальному агенту.

Выбор концепции Ж. Лакана как основы понимания процесса самоидентификации субъекта обусловлен тем, что она позволяет рассматривать субъекта как «точку пристёжки» в скольжении означающих. Работа с текстами Ж. Лакана потребовала обращения к комментирующим источникам: работам S. Barzilai, Д. Мэйси, Ж.-Л. Нанси, П.В. Качалова, М. Титовой.

Понимание субъекта как «эффекта» акта самоозначивания позволило использовать идею перформативов Дж. Остина. В процессе рассуждений относительно самоидентификации субъекта в дискурсе использовались исследования Э. Балибара, Дж. Батлер, С. Жижека, Р. Мончика, Р. Салецл.

Пониманию социального поля как поля дискурсивных практик во многом способствовали концепции «интердискурса» М. Пешё, «интертекстуальности» Ю. Кристевой, «языковых игр» Л. Витгенштейна, «дискурсивных формаций» М. Фуко, «дискурсивного комплекса» I. Parker.

Научная новизна основных результатов исследования заключается в следующем:

- самоидентификация субъекта в структурах социальной реальности обоснована как онтологическая способность к самоозначиванию в пределах социальных дискурсов;

- самоузнавание субъекта в социальных дискурсах устанавливается как самоопределение субъективности в социальной позиции посредством присвоения пустого знака дискурса Другого;
- социально-топологический подход определяется через принципы связности, пространственности и позиционности, задающие социальную реальность как со-бытие множества взаимоопределяющихся социальных позиций, понимаемых как «местоимения» социального субъекта;
- топологические структуры социального поля раскрываются через взаимоотношения дискурсивных практик, где социальная позиция устанавливается как топос говорения социального субъекта;
- способы самопредставления социального поля в структурах дискурса субъекта понимаются в терминах внутреннего диалога, разворачивающегося в «точке» субъекта и предьявляющего интердискурсивность в интрадискурсивных отношениях.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в построении обобщенной топологической модели социальной самоидентификации субъекта и выявлении способа манифестации социального поля в дискурсе субъекта. Проведенное в работе исследование пространственных структур самоидентификации субъекта может послужить теоретическим основанием для междисциплинарного анализа организации социальных полей. Целесообразно применение результатов исследования для разработки курсов и спецкурсов по общей и социальной философии.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в публикациях, неоднократно обсуждались на аспирантском семинаре кафедры философии УдГУ, излагались в выступлениях на Всероссийской научной конференции «Текст-2000: Теория и практика» (г. Ижевск, 2001), Пятой Российской университетско-академической научно-практической конференции (г. Ижевск, 2001), Всероссийской научной конференции «Толерантность и полисубъектная социальность» (г. Екатеринбург, 2001), Международной научно-практической конференции «Толерантность и проблема идентичности» (г. Ижевск, 2002), Ежегодной конференции студентов и аспирантов (г. Ижевск, 2002, 2003). Основные идеи диссертации использовались при разработке курса «Философия», прочитанного на факультетах удмуртской филологии и психологии и педагогики УдГУ, а также спецкурсов: «Структурный психоанализ Лакана» (факультет психологии и педагогики, специальность «Психология») и «Проблема речи и языка в психоанализе» (факультет психологии и педагогики УдГУ, специальность «Логопедия»).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации пред-

ставлен 122 с. основного текста и 20 с. библиографического списка, включающего 230 наименований источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, рассмотрена степень её разработанности, определены объект, предмет, цели и задачи исследования, сформулированы исходные методологические установки, научная новизна и научно-практическая значимость.

В **первой главе «Позиция субъекта в социальном пространстве»** обосновывается социально-онтологическое представление о самоидентификации субъекта в символических топосах социального пространства, выделяются и анализируются базисные принципы топологического подхода к описанию социальной реальности.

В **первом параграфе первой главы «Бытие субъекта в структурах самоидентификации»** раскрывается социально-онтологический подход к проблеме самоидентификации субъекта в языковых конструктах.

На фоне современных дискуссий о «возвращении субъекта» (С. Жижек, А.Рено, А.Турен), становится очевидным отсутствие общепринятых подходов к пониманию категории «субъект». В зависимости от контекста, субъект рассматривается как антропологическая (субъект как человек), гносеологическая (субъект как познающий), юридическая (субъект как подданный), или психологическая (субъект как личность) инстанция. Анализ классических философских трудов, благодаря которым категория «субъект» вошла в междисциплинарный обиход (Р.Декарт, И.Кант, Ф.В.Й. Шеллинг и др.) позволяет заключить, что содержания, которыми наполняется данная категория в различных дисциплинах, являются вторичными по отношению к его онтологическому значению.

Начиная с работ Р. Декарта, субъект отождествляется с *ego, res cogitans*. При этом картезианское *ego* является субъектом ровно постольку, поскольку *cogito* является его атрибутом или предикатом. У Канта дана эксплицитная формулировка этого принципа: «Я» есть субъект = *x*, определения которого являются представления. Определения субъекта никогда не есть внешние определения, но чем-то таким, что присваивается самим субъектом. Представления являются предикатами субъекта, только при том условии, что субъект идентифицирует представления в качестве своих представлений. Таким образом, субъект должен пониматься как особая онтологическая инстанция, способ существования которой заключается в самоидентификации.

Любая идентификация, будучи рассмотрена как процесс, является операцией по установлению идентичности между двумя или более инстанциями. Таким образом, она подразумевает существование как минимум трёх

инстанций: той, которая устанавливает идентичность; той, чья идентичность устанавливается; и той, на предмет идентичности которой, рассматривается вторая инстанция. Данные инстанции можно обозначить как «идентификатор», «идентифицируемое» и «идентифицирующее». Необходимость в идентификации возникает в момент проблематизации идентичности между идентифицируемым и идентифицирующим. Идентифицируемое предстаёт перед идентификатором как неопределённое непосредственное «нечто». Проблематизацию идентичности двух инстанций можно формально выразить в виде вопроса: «То же ли это самое, что и X, или нечто другое?». В отличие от идентифицируемого, идентифицирующее всегда является чем-то определённым (определённое X) или поименованным. Идентифицирующее функционирует в процессе идентификации в качестве того или иного имени, или языкового означающего. Проблема идентификации, таким образом, сводится к возможности употребления по отношению к идентифицируемому того или иного имени или означающего. Соответственно, идентификация подразумевает в качестве условия своей возможности номинацию или сигнификацию. Любая идентификация возможна только в языке и только посредством языка. Идентификатор всегда предстаёт в качестве социального, т.е. в качестве представителя языкового сообщества, в рамках которого высказывание «Это называется X» имеет смысл.

Самоидентификация представляет собой процесс, в котором идентификатор и идентифицируемое совпадают. Идентификатор соотносит себя самого с тем или иным означающим внутри дискурса. Их совпадение конституирует отличие самоидентификации от всех других форм идентификации. Если в случае простой идентификации идентифицируемое существует независимо от идентификатора и самого акта идентификации, то субъект не существует вне способности самоидентификации. Можно согласиться с Э. Бенвенистом в том, что субъект присутствует только в языке и только благодаря языку. В рамках лингвистической конструкции «Это есть Я», инстанция «Это», стоящая до «Я» и являющаяся субъектом в формально-апофатическом смысле, парадоксальным образом существует как «эффект» следующего за ним «Я». Онтологическая инстанция субъекта складывается в последствии, задним числом через означивание. Таким образом, самоидентификация подразумевает обращенную темпорализацию: субъект всегда обнаруживает себя в качестве «уже-бывшего». Исходя из этого, можно утверждать, что самоидентифицирующее высказывание удовлетворяет критериям перформатива, в том виде в каком они описаны Дж. Остином: оно не является высказыванием, констатирующим существование объекта; субъект этого высказывания производится самим высказыванием.

Во втором параграфе первой главы «Самоузнавание субъекта в социальных дискурсах» исследуется механизм самоозначивания субъекта посредством присвоения пустого знака дискурса Другого.

Перформативный характер самоидентификации позволяет рассматривать существование субъекта в терминах власти, где власть понимается как «власть языка» (Р. Барт) или власть социальных дискурсов. Субъект является зависимым от языка, который он никогда не выбирает, но который кладёт начало его существованию в качестве субъекта. Социальные дискурсы задают границы самоузнавания субъекта - тот набор знаков, в которых субъект может опознать «след» своего существования. Самоузнавание субъекта опосредовано интерpellацией, направленной со сцены социального и сообщаемой его «имя». Другой, как адресант интерpellации, маркирует «индивида» или «тело» и тем самым создает предпосылку самоидентификации. Онтологическая инстанция субъекта оказывается тождественна юридической инстанции (субъект как подчиненный).

Анализ работ Л. Альтюссера и М. Фуко, посвященных процессу социальной субъективации, позволяет заключить, что попытки рассмотрения субъекта как непосредственного результата сообщения индивиду «имени» носят внутреннее противоречивый характер. Всякий раз при редукции условий существования субъекта к номинации индивида Другим возникает вопрос о механизме самоузнавания, т.е. о присвоении индивидом «имени собственного». В анализе социальной самоидентификации необходимо должно присутствовать положение, что со стороны «индивида» совершается встречное движение, инвертирующее означивание социального дискурса в самоозначивание. Данное движение интерпретируется как радикальное желание социального существования или поток субъективности, направленный на становление-субъектом. Таким образом, субъект оказывается «эффектом» самоопределения субъективности в пределах социальных дискурсов.

Рассмотрение субъекта как «эфекта» самоопределения субъективности позволяет использовать в рассуждении модель «стадии зеркала» Ж. Лакана. В контексте исследования отражение в зеркале рассматривается как метафора процесса означивания в дискурсе Другого. Социальные дискурсы являются для субъекта аналогом «акустического» или символического зеркала. Означенное или поименованное в дискурсе Другого наделяется статусом существующего или имеющего-место в социальной реальности. Гарантом социального существования для субъекта выступает означенность, а сам дискурс Другого выступает как поверхность скольжения означающих или «имен» сущих социального мира.

Области «по эту» и «по ту» сторону символического зеркала всегда асимметричны. Зеркальное изображение носит избыточный характер. Это позволяет рассматривать имя субъекта как пустой знак дискурса Другого. Самоузнавание оказывается тождественным наполнению смыслом или присвоению пустого знака дискурса Другого. Такое представление не противоречит пониманию личного местоимения как шифтера, согласно которому означающее «Я», будучи рассмотрено вне отношения к говорящему, является-

ся лишенным значения термином, который может присвоить себе каждый говорящий.

Социальная позиция оказывается тождественна место-имению, или «месту существования», в которое «входит» субъект в процессе социальной самоидентификации. Понятие «позиция» акцентирует реляционный характер самоузнавания субъекта. Вхождение субъекта в социальный дискурс одновременно является раз-мещением или позиционированием субъективности. Субъект обнаруживает себя существующим в социальной реальности не непосредственно, в качестве «гипостазированной» сущности, а опосредованно, через множество связей, существующими между различными символическими областями, «местами» или «позициями» социального дискурса.

В третьем параграфе первой главы «Самопредставление социально-го бытия в топологических конструктах» выделяются базисные эпистемологические принципы социальной топологии, даётся их развернутое описание в аспекте тождества социального бытия и социального дискурса.

Работы Г. Башляра и Э. Кассирера, посвященные анализу форм научной рациональности, позволяют выделить два основных подхода к эпистемологии научного познания. Первый подход связан с логикой Аристотеля и категорий «сущность», второй – с категорией «отношение». В рамках социальной теории данные подходы реализуются в рамках субстанциалистской (позитивистской) и топологической парадигмы соответственно. Главным принципом субстанциалистской парадигмы, занимавшей доминирующее положение в классической социальной теории, является принцип реификации. Реализуя данный принцип, социальная теория неизбежно сталкивается с проблемой референта социального дискурса, что является следствием операции гипостаживания или объективации социо-культурных конструктов. Поэтому в контексте данного исследования более продуктивной представляется топологическая парадигма, в рамках которой всякое сущее социального мира изначально полагается как символический конструкт в системе дискурсивных отношений.

Анализ работ П. Бурдые, К. Левина, Ю.Л. Качанова А.Т. Бикбова и др. позволил выделить три базисных принципа, определяющих способы топологического описания социальной целостности: принцип связности, принцип пространственности и принцип позиционности. Принцип связности задаёт каждое сущее социального мира через отношения с дискурсивной, или интерпретативной «сеткой», связывающей множество социальных фактов. Социальная реальность здесь рассматривается как множество, каждый элемент которого познаётся через способ со-существования с другими элементами того же множества, т.е. через со-бытие. При этом со-бытие множества социальных фактов нетождественно простой рядоположенности, т.к. подразумевает присутствие конститутивных для существования элементов множества отношений. Принцип пространственности конкретизирует социальное со-

бытие как со-в-местность сущих социального мира. Всякий социальный факт, согласно данному принципу, должен рассматриваться как происходящий в социальном пространстве и являющийся результатом существующих социальных объектов. Принцип позиционности задаёт структуру социального пространства через распределение относительных (релятивных) позиций и, тем самым, конкретизирует социальное отношение как отношение порядка.

Рассмотрение базисных принципов социальной топологии сквозь призму тождества социального бытия и дискурсивности, позволяет задавать социальное пространство как «пространство говорения» и выявить его структуру через дискурсивные индексы, отсылающие к позициям действующих в этой области лиц. Социальная позиция субъекта тождественна специфическому топосу говорения как совокупности условий и правил функционирования его дискурсивной практики. Определение социального существования как существования-в-позиции в данном контексте означает, что никто из субъектов, существующих в социальном мире, не может говорить «что угодно» и «как угодно». Говорящий субъект всегда существует в определенном «месте» или границах дискурсивного пространства, которые определяют «что» и «как» говорится.

Поскольку социальная теория так же является дискурсом, то она, как и все прочие дискурсы, принадлежит объективируемой ею области. Это адекватно представлениям о несуществовании метаязыка (Х.-Г. Гадамер, Ж. Лакан) и имманентности социального пространства (А.Т. Бикбов, С.М. Гавриленко). Гипотеза существования метаязыка социальных наук и наличия трансцендентной позиции видения социальной реальности неизбежно приводит к парадоксу бесконечного регресса, или неопределенного размножения метаязыков. Кроме того, метаязыковая гипотеза не учитывает того, что любой язык социальных наук всегда отсылает к языку как к условию собственной возможности. Имманентный способ рассмотрения социального пространства снимает эти противоречия, предъявляя социальную определенность субъекта-исследователя как «точку зрения» на социальную реальность, находящуюся «внутри» самой социальной реальности.

В любом тексте теории также как и в любом другом социальном дискурсе можно обнаружить специфические индексы, отсылающие к социальной позиции его автора, которая определяет горизонт возможностей теории. Это значит, что не существует «чистых» социальных объектов, которые не содержали бы в себе элемент означивания (интерпретации), точно так же как не существует чистого мета-дискурса противопоставленного таким объектам. Оппозиция между субъектом и объектом заменяется представлением о континууме социального дискурса. Поэтому одной из важнейших теоретических процедур социальной топологии становится не только поиск в социаль-

ном объекте следов его дискурсивной конструкции, но истолкование всякого дискурса как социального явления.

Социальный мир не обладает «истиной», которая могла бы быть наблюдаема за его пределами. «Истина» социального существует только в своих вариациях, метаморфозах и преломлениях через многообразие социальных позиций. В этом смысле социально-топологический подход наследует лейбницевской монадологии: социальная позиция существования субъекта, является «точкой зрения» на социальный мир «в» социальном мире и, как таковая, она специфическим образом выражает его.

Во второй главе «Субъект в поле дискурсивных практик» рассматривается представление о социальной целостности в аспекте дискурсивных практик, выявляются способы манифестации поля дискурсивных практик в дискурсе субъекта.

В первом параграфе второй главы «Топология дискурсивных практик» обсуждается проблема универсализации субъекта, возникающая при трактовке социального целого как кода коммуникации, обосновывается представление о социальном поле как поле дискурсивных практик.

Возможны два подхода к анализу соотнесенности субъекта дискурса с социальной реальностью как целым, которые реализуются в различных способах топологизации социальной реальности. В первом случае социальное целое отождествляется с кодом коммуникации, к которому прибегает индивидуализированный субъект, производящий или понимающий дискурс. Любая социальная практика субъекта по отношению к обществу в целом здесь оказывается тем же, чем является сообщение по отношению к коду. Языковая деятельность расчленяется на код как социальную компоненту, и сообщение как индивидуальную компоненту. Данный подход наиболее последовательно был реализован в рамках парадигмы классического структурализма (Ф. де Соссюр, Р.О. Якобсон, К. Леви-Строс и др.). Между языком-кодом и речью-сообщением устанавливается иерархия - индивидуальный аспект языковой деятельности рассматривается как второстепенный и побочный.

Результатом отождествления социального с кодом коммуникации является рассмотрение социального как универсального предиката субъекта. Универсализация субъекта делает его заместимым, т.е. неотличимым от любого другого субъекта, использующего тот же код, что и он. Говорящий субъект расщепляется на универсального субъекта кода и индивидуального субъекта дискурса. Наиболее ярко такой подход реализуется в теории Н. Хомского, где вводятся концепты «идеального говорящего-слушающего» и «реального говорящего-слушающего». Возникает проблема соотношения между двумя субъектами, которая не может разрешиться ввиду того, что субъекты определяются как сущности различной «природы».

Предложенный в исследовании способ топологизации социальной реальности через распределение субъективных позиций, снимает эту пробле-

му. Он подразумевает отказ от отождествления универсального и социального, которое препятствует концептуализации вариативности как социальной вариативности и приводит к редукции многообразия дискурсивных практик к индивидуальной (психофизиологической) компоненте языковой деятельности. Язык здесь задается через многообразие областей применения или правил, которые всегда локальны, а не универсальны. Место абсолютной логики языка занимают системы правил многочисленных языковых игр, каждая из которых выражает определенный модус существования языка. Каждое социальное поле характеризуется через собственные дискурсивные правила. Вариативность дискурсивных практик обнаруживается как при переходе от одного социального поля к другому, так и при переходе с одной социальной позиции социального поля к другой социальной позиции того же самого поля. В каждом случае имеет место смена социального качества, выражающаяся в изменении условий конструирования и понимания дискурса субъектом. Изменение социального качества, обнаруживающееся при переходе от одной социальной позиции к другой в пределах одного социального поля, позволяет говорить, что каждая позиция выражает социальное поле специфическим для неё образом.

Структура «силового» или «смыслового» поля, внутри которого существует социальный субъект дискурса, рассматривается через понятие «интердискурса» или «интердискурсивной конфигурации». Понятие «интердискурса» обозначает связанное целое («принцип связности») - специфическое единство или группу дискурсивных практик, имеющих между собой некоторое количество поддающихся описанию связей. По отношению к существованию отдельно взятого дискурса, входящего в конкретную группу, связи, соединяющие его с другими элементами данной группы, являются конститутивными. Смысл дискурса не является независимым от интердискурса. Дискурс всегда соотнесен с теми «силовыми» или смысловыми взаимодействиями, в рамках которых он создается и понимается. Дискурс как социальное событие подразумевает со-бытие дискурсов, и как таковой он неизбежно отсылает к другому дискурсу или дискурсу Другого. Таким образом, дискурс не противостоит коду, но всегда опирается на «всегда уже» дискурсивно оформленный материал. Отдельно взятый дискурс оказывается «узлом» на стыке множества взаимодействующих дискурсивных практик, с которыми он связывается правилами перехода или векторами («принцип пространственности»). При этом отношение между дискурсивными практиками не должно описываться в причинно-следственных терминах, как если бы один дискурс был непосредственным результатом другого дискурса. Речь должна идти о позиционной определенности каждого дискурса (принцип позиционности) в рамках интердискурса. Говорящий социальный субъект, таким образом, оказывается сингулярной точкой напряжения или схождения различных дискурсивных последовательностей.

Во втором параграфе второй главы «Самопредставление структуры социального поля в дискурсе субъекта» анализируются способы манифестации социального поля в интрадискурсе, определяются топосы присутствия дискурса Другого в дискурсе субъекта.

Понимание интердискурса как конститутивного поля существования дискурса субъекта предполагает, что смысл говоримого всегда заключен в пределах социальных условий его производства, т.е. в определенном состоянии социального поля. Такое представление полностью изменяет традиционную модель коммуникации, где субъект и Другой рассматриваются в их отдельности, а дискурс задаётся как ассоциативная связь между ними. Другой, как место другого дискурса, должен пониматься не как внешний объект высказывания субъекта, а как имманентная инстанция, включенная в процесс его конструирования. Процесс порождения смысла предполагает со стороны субъекта изначальную направленность на Другого. Говорящий субъект всегда включает в процесс производства своего дискурса «образы» дискурсов других. Дискурс субъекта, таким образом, никогда не является простой объективацией, прямым воплощением «коммуникативного намерения», остающимся абсолютно идентичным на протяжении всей речевой цепи. Он образуется как неопределенный и перманентно переопределяющийся поток, существующий в пространстве напряжения между «уже сказанным» и «ещё не сказанным». Дискурс субъекта всегда обладает собственной диалогической структурой.

Процесс конструирования высказывания должен пониматься в терминах внутреннего диалога, который устанавливается в «точке» субъекта между его дискурсом и дискурсом Другого. Данный процесс рассматривается как «сворачивание» или интериоризация интердискурса в интрадискурс. В результате такого «сворачивания» структура интердискурса оказывается представленной в интрадискурсивных отношениях. Топос присутствия интердискурса в интрадискурсе рассматривается в двойном аспекте – в аспекте сгущения и в аспекте смещения. В первом случае имеет место актуальное присутствие дискурса Другого в дискурсе субъекта. Между множеством дискурсов устанавливаются отношения соседства в пределах одной речевой цепи. Во втором случае присутствие интердискурса в интрадискурсе оказывается виртуальным: другой дискурс локализуется в «разрывах» или «пустотах» дискурса субъекта. Здесь другой дискурс или дискурс Другого оказывается тем, что не говорится, но подразумевается внутри дискурса субъекта.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, делаются выводы, намечаются дальнейшие направления работы по теме исследования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Мерзляков А.В. Субъект у Лакана в аспекте проблемы демаркации // *Cogito*. Вып 3: Исследования по проблемам структурного психоанализа Жака Лакана . Сб. статей. / Сост. и ред. О.Н. Бушмакина, С.Ф.Сироткин. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2000. – С. 39-47.
2. Мерзляков А.В. Пространство-время социального со-бытия // *Толерантность и полусубъектная социальность*. Материалы конференции. Екатеринбург, 18-19 апреля 2001 г. / Научн. ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов, В.А.Лекторский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.- С. 58-59.
3. Мерзляков А.В. Топология социального субъекта в аспекте структурно-функционального подхода // *Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции Ч.2*. / Отв. ред. В.А. Журавлев, С.С. Савинский. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2001. – С. 86-88.
4. Мерзляков А.В. Самоопределение субъекта и проблема тела в психоанализе // *Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции Ч.5*. / Отв. ред. В.А. Журавлев, С.С. Савинский. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2001. С.103-105.
5. Мерзляков А.В. Соотношение означающего и означаемого в дискурсе у Лакана // *Текст-2000: Теория и практика. Междисциплинарные подходы: Материалы Всероссийской научной конф. Часть II*. – Ижевск.: Изд-во УдГУ, 2001. – С. 76-79.
6. Мерзляков А.В. Идентификация и проблема номинации // *Толерантность и проблема идентичности*. Ежегодник Российского психологического общества. Т.9. Вып.4. / Отв. ред. Н.И. Леонов, С.Ф. Сироткин. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, - С.211-213.

Подписано в печать
Тираж 100. Заказ № .

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.

Типография Удмуртского госуниверситета.
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.4.